М. Д. ВОЛКОВА, А. И. ДАВЛЕТШИН, А. В. КОЗЬМИН, Е. В. КОРОВИНА, Е. Л. КУШНИР

Волкова Мария Дмитриевна
аспирантка, Центр типологии и семиотики фольклора,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (499) 973-43-54
E-mail: greasedfungi@gmail.com

Давлетшин Альберт Иршатович
канд. ист. наук, научный сотрудник, Центр компаративистики,
Институт восточных культур и античности,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
+7 (499) 250-67-33
E-mail: aldavletshin@mail.ru

† Козьмин Артем Викторович
канд. филол. наук, научный сотрудник,
Центр типологии и семиотики фольклора,
Российский государственный гуманитарный университет

Коровина Евгения Владимировна
аспирантка, Центр компаративистики,
Институт восточных культур и античности,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
+7 (499) 250-67-33
E-mail: varna0@gmail.com

Кушнир Елизавета Львовна
аспирантка, Институт языкознания РАН
Россия, 129009, Москва, Большой Кисловский переулок, 1, стр. 1
Тел.: +7 (495) 690-35-85
E-mail: lizakushnir@yandex.ru

ТАИТЯНСКИЙ МИФ ТВОРЕНИЯ: ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ[1]

Аннотация. В статье публикуется русский перевод таитянского мифа о творении, записанного Дж. Орсмондом в конце XIX в. Перевод дополнен справкой об обстоятельствах записи текста и текстологическим комментарием.

Ключевые слова: фольклор, мифология, Полинезия, Таити

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 14-18-03384 (руководитель Ю. Е. Березкин).

© М. Д. ВОЛКОВА, А. И. ДАВЛЕТШИН, А. В. КОЗЬМИН, Е. В. КОРОВИНА, Е. Л. КУШНИР

Текст, представленный ниже, является одной из нескольких версий мифа творения, записанных английским миссионером Джоном Орсмондом на островах Общества [Henry 1928: 336–340]. История его публикации довольно сложна. Джон Орсмонд находился на островах Общества в 1817–1856 г., т. е. до самой своей смерти. В 1848 г. он завершил книгу по истории и традициям островов, которую преподнес французскому правительству, однако рукопись затерялась. Его внучка Теуира Хенри (1847–1915) на основе черновиков и материалов деда подготовила книгу «Древний Таити» [Henry 1928], которая была издана уже после ее смерти и стала одним из самых ценных источников информации по культуре островов Общества. Относительно публикуемого текста в примечании сказано, что он был произнесен в 1822 г. Пао-раро и в 1824 г. — Раи-тупу, верховными жрецами острова Порапора (Бора-Бора), а затем в 1833 г. — таитянским верховным жрецом Тамерой. К этому моменту Орсмонд несомненно уже достаточно владел таитянским языком. Стоит процитировать фразу из его дневника за 1825 г.: «Я ценю мой родной язык [таитянский], как свою жизнь. Как можно быть миссионером без этого?» [Tagupa 1979: 145]. Он был одним из авторов таитянско-английского словаря [Davies et al. 1851], который остается непревзойденным до сего дня и который использовался нами при переводе.

Как следует из примечания к публикации 1928 г., запись текста была результатом работы с тремя информантами, которые происходили с трех разных островов, причем записи были сделаны в разное время. Это означает, что перед нами не точная запись (наподобие современных расшифровок полевых материалов, которые воспроизводят конкретные особенности произнесения текстов), а компиляция. Можно ли говорить в таком случае об «аутентичности» построения текста или следует сомневаться даже в должном воспроизведении содержания традиционного сюжета, что бы это ни значило? Вероятно, можно. Относительно передачи содержания надо заметить, что в Восточной Полинезии (в частности, на Гавайях, в Новой Зеландии и на о. Пасхи) известны пространные тексты, записанные после заимствования европейской письменности. Эти тексты, очевидно, появились еще до контакта с европейцами и содержат мифологические повествования, причем относящиеся к «высокой» мифологии. Другими примерами такого рода текстов являются гавайская генеалогическая песня «Кумулипо», созданная в честь рождения одного из гавайских вождей и содержащая историю происхождения мира [Beckwith 1986], или маорийская запись мифов о герое Мауи [Thornton 1992], в составе которых имеются схожие с таитянскими мифологические представления (что косвенно свидетельствует о традиционности содержания таитянского мифа). При этом гавайский и маорийский тексты также не могут рассматриваться как записи единого акта произнесения, в их случае речь также идет явно о результатах относительно длительной работы, включавшей редактирование. Однако следует понимать, что это не является особенностью

лишь этих текстов; до появления и распространения звукозаписывающей аппаратуры фольклорные тексты подвергались редактуре повсеместно. При этом важно, что полинезийская устная традиция потенциально склонна к порождению длинных текстов, в этой связи следует упомянуть записанные в более позднее время анутские тексты о Мотикитики, которые хотя и являют собой пример единой записи от одного информанта, но столь же протяженны и пространны [Feinberg 1998]. Это говорит о том, что, по-видимому, порождение протяженного текста является свойством устной полинезийской культуры, а не привнесением из культуры письменной. В Восточной Полинезии порождению длинных текстов способствовало, как давно уже было замечено, наличие выделенных жреческих групп, которые поддерживали существование сложной разработанной мифологии и традиционной истории (о записи восточнополинезийских мифов творения см.: [Barrère 1967]).

Интересный вопрос касается возможных европейских влияний. Таити был открыт европейцами в 1767 г., контакты были достаточно спорадическими, однако в начале XIX в. присутствие европейцев становится ощутимым. Ключевым событием этого времени стало крещение короля Помаре II в 1816 г. Это означало конец для организованной старой религии, однако, безусловно, традиционные представления продолжали существовать. Собственно, материалы Орсмонда хорошо характеризуют взаимодействие старой религиозной элиты с христианскими миссионерами — новая религия была воспринята с энтузиазмом, однако ценность старой традиции при этом еще вполне осознавалась. Показательно, что принявший крещение Помаре не уничтожил священные предметы, служившие инсигниями вождеской власти, а передал их в качестве «трофеев» миссионерам (см. об этом, например: [Hooper 2007]).

Принятие европейской культуры и христианства как ее элемента на Таити, да и в других частях Полинезии проходило довольно быстро и с большим энтузиазмом. Сильно упрощая, можно объяснить это следующим: аборигены считали, что пришельцы, их боги и их культура более могущественны, более эффективны, чем их собственные религия и культура. Соответственно, нельзя исключить, что в рассматриваемых мифах может присутствовать христианское влияние как результат сознательной ориентации на новую веру и ее мифологию. Однако сходство с другими полинезийскими мифологиями и детали, отсутствующие в Книге Бытия, достаточно надежно указывают на доконтактное происхождение таитянских мифов творения.

Следует сказать, что вопрос о наличии христианского влияния вызван не только тем, что нам известна история Таити, но и тем, что публикуемый текст содержит некоторое количество понятий, выглядящих как чрезмерно абстрактные для «примитивной» мифологии. Однако, как хорошо известно, восточнополинезийские мифологические тексты часто характеризу-

ются такими особенностями. Например, в маорийских мифах творения в начале мира фигурируют Te Pō — Ночь, Te Ao — День, Te Ao-tū-roa — День, длящийся долго, Te Ao-marama — День светлый, Te Kore — Ничто, Te Kore-te-whiwhia — Ничто имеемое (также 19-я ночь лунного календаря), Te Korekore-te-rawea — Ничто свершенное (также 13-я ночь лунного календаря) [Grey 1853: 152].

Помимо приводимого ниже перевода, в публикации Орсмонда есть еще два текста на тему творения. Оба они довольно сложны, изложение событий там не строго хронологическое и, строго говоря, каждый из них требует подробного комментирования и перевода, но для целей данной статьи приведем лишь краткий пересказ.

Первый текст, записанный в 1822 г. Паора'и — советником на Бора-Бора [Henry 1928: 336], во многих мотивах повторяет переведенный нами миф. Вначале описывается, что бог Та'ароа появляется из скорлупы в начале мира, до того как появилось все остальное. Он растет, раскалывает скорлупу, создает основания мира. Также упоминается, что он рождает богов, вместе со своим помощником Ту создает человека; что растительность на земле возникла из его перьев или волос и что землю держит гигантский осьминог по имени Туму-ра'и-фенуа (Основание неба и земли). Кроме того, в начале текста говорится, что из-за проклятия Та'ароа на Земле появляется смерть — мотив, как замечает Хенри (или сам Орсмонд?), явно библейский.

Второй текст, следующий в книге Хенри за публикуемым в данной статье [Henry 1928: 340–344], был записан от верховных жрецов Бора-Бора в 1822 г. и от верховных жрецов Таити в 1835 г. В нем рассказывается о первоначальном состоянии мира, когда ничто не имело формы. Та'ароа сделал поверхность неровной, и тогда Хавайи (мифическая прародина восточных полинезийцев) обрели свою форму. Затем описывается, как Та'ароа при помощи заклинания призвал песок, слой камней и своего помощника Ту; последний распределил песок на земле. Та'ароа установил небесный свод на четырех столбах. По его повелению были установлены еще столбы, поддерживающие землю, благодаря чему пространство расширилось. Особенностью этого текста также являются генеалогические мотивы, например, перечисляются союзы разных видов скал. Повторяются выражения со словами «рождаться» и «расти» («рождаются корни», «растут скалы», «растут леса»). Хотя упоминается, что Та'ароа создал мир при помощи заклинаний, в данном тексте процесс творения описывается скорее как самопроизвольный процесс роста, что имеет параллели в других полинезийских традициях.

Публикуемый текст был первоначально переведен осенью 2011 г. во время работы неформального семинара по чтению таитянских текстов и проверен осенью 2015 г. в процессе подготовки статьи к публикации. Комментарии приводятся после текста.

* * *

Та’ароа[1] жил долго внутри своей скорлупы. Она была круглой, как яйцо[2], и была свернута внутри беспредельности, подобной бесконечной ночи. Не было солнца, не было луны, не было земли, не было гор, только качающаяся[3] вода. Не было людей, не было свиней, не было кур, не было собак[4], не было живых существ[5], не было морской воды, не было пресной воды[6].

Когда пришло время, Та’ароа стал раскалывать скорлупу[7] там, где он находился в тесноте, она треснула, она раскололась. И вот выскользнул Та’ароа, встал на скорлупу и закричал: «Кто есть наверху? Кто есть внизу?» Не отвечает никакой голос на эту священную речь. «Кто в море (*tai*)? Кто в глубине острова (*uta*)?»[8] Не отвечает никакой голос на эту священную речь. Только эхо его голоса [вокруг], [он им] окружен, ничего больше нет.

Та’ароа говорит: «Камень[9], приползи». Не было камня, который полз бы. Он сказал: «Песок, приползи». Не было песка, который полз бы. Он недоволен, потому что ему не подчиняются.

Переворачивает ту свою скорлупу, поднимает ее, чтобы была оболочка для неба, дает ей имя Румиа[10]. Утомился, через некоторое время выскользнул в другую скорлупу из оболочки, в которой был, взял ее, чтобы были скала и песок. Его недовольство не утихает, он взял свой хребет, чтобы была горная гряда, свои ребра[11] для горных склонов, свои внутренности для плоских переменчивых облаков, свой жир на ребрах и плоть для плодородия земли, свои руки и ноги, чтобы придать силу земле, свои ногти на руках и ногти на ногах, чтобы были раковины и чешуя у рыб, свои волосы для деревьев, для листьев и для ползучих растений, чтобы земля была цветущей, и свои кишки для креветок[12] и угрей, живущих в пресной воде и морской воде, и кровь Та’ароа нагрелась, поплыла, чтобы были красное небо и радуга[13].

Что до головы Та’ароа, которая священная, он [оставил] ее себе, и живет воистину Та’ароа в ином невредимом теле. Он — владыка всех вещей. Нет препятствий [ему], растет.

Та’ароа создает заклинанием[14] богов, позже был создан заклинанием человек, когда Ту[15] был с Та’ароа.

Поскольку у Та’ароа была оболочка, а именно скорлупа, то у всех вещей есть скорлупа.

Скорлупа — небо, которое [есть] беспредельность, туда богами были помещены солнце, луна, рассеянные звезды[16], перекрестие (звезд)[17], принадлежащее богам.

Скорлупа — земля для камней, пресной воды и деревьев, которые растут оттуда.

Скорлупа мужчины — это женщина, поскольку из нее он появляется в мир, и оболочка женщины — это женщина, поскольку рождается от женщины,

Как же много скорлуп у [вещей] этого мира.

Комментарии

[1] Та’агоа — общеполинезийское божество, функции которого различаются на разных островах, этимология его имени неясна. Существенно, что в Восточной Полинезии он часто ассоциируется с морем, у мориори островов Чатам он связан с рыболовством, на Гавайях — с осьминогом. Поэтому его пребывание в воде вполне ожидаемо. Однако следует иметь в виду, что на Таити Та’ароа не был адресатом актуального культа, что вполне характерно для творца мира.

[2] Тут мы следуем за английским переводом. Строго говоря, использовано слово, которое обозначает любые небольшие круглые предметы, например, семена или икру.

[3] Буквально: морская болезнь, помутнение рассудка

[4] Здесь перечислены все виды домашних животных этого региона.

[5] В таитянском языке лексическое противопоставление ‘вещь’ — ‘существо’, в отличие от русского, не представлено.

[6] В таитянском, как и во многих полинезийских языках, существует лексикализованное различие между пресной и морской водой. В данном фрагменте также легко видно, что перечисляются основные объекты мира, как он виделся носителям традиции.

[7] В тексте используются разные слова, обозначающие скорлупу или оболочку. Как полагают некоторые исследователи, концепт оболочки как границы, формирующей объекты известного мира, отделяющей хаос от космоса, весьма важен для полинезийской мифологии (см.: [Gell 1995]). Здесь таитянское слово *pa’a* переводится как ‘оболочка’, а *‘apu* — как ‘скорлупа’.

[8] В оригинале *tai* ‘море’ (ср. примеч. 6), противопоставленное *uta* — тому, что находится в глубине острова, по направлению от берега.

[9] Буквально: плоский камень.

[10] Значение этого названия неясно.

[11] Значение слова неясно, согласно английскому переводу — «ребра».

[12] Слово обозначает всех морских ракообразных.

[13] Очевидный мотив творения из антропоморфного тела.

[14] Используется слово, которое также буквально обозначает наложение табу.

[15] Ту (Ку) присутствует в нескольких восточнополинезийских мифологиях, например, у маори и на Гавайях, его имя означает ‘стоящий’, он ассоциируется с погодными явлениями и войной. Что касается островов Общества, в другом тексте из собрания Орсмонда он называется *tahu’a* (слово, обозначающее специалиста, как ремесленника, так и жреца).

[16] Значение слова неясно, согласно английскому переводу — это обозначение скопления звезд, не включенных в традиционно выделяемое созвездие.

[17] Значение слова *hui tārava* не вполне ясно, в английском переводе — ‘созвездия’; кроме того, согласно работе [Teriierooiterai 2013], оно может обозначать ‘пояс Ориона’

Литература

Barrère 1967 — *Barrère D*. Revisions and adulterations in Polynesian creation myths // Polynesian Culture History: Essays in Honor of Kenneth P. Emory / Ed. by G. A. Highland et al. Honolulu: Bishop Museum Press, 1967. P. 103–119.

Beckwith 1986 — The Kumulipo: Hawaiian Creation Chant / Transl. and ed. with comment. by M. W. Beckwith. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1986. 257 p.

Davies et al. 1851 — *Davies H. J. et al.* A Tahitian and English Dictionary with Introductory Remarks on the Polynesian Language, and a Short Grammar of the Tahitian Dialect: With an Appendix Containing a List of Foreign Words Used in the Tahitian Bible, in Commerce, etc., with the Sources from Whence they Have Been Derived. Tahiti: London Missionary Society's Press, 1851. 413 p.

Feinberg 1998 — *Feinberg R*. Oral Traditions of Anuta: A Polynesian Outlier in the Solomon Islands. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 294 p.

Gell 1995 — *Gell A*. Closure and multiplication: An essay on Polynesian cosmology and ritual // Cosmos and Society in Oceania / Ed. by D. de Coppet, A. Iteanu. Oxford: Berg, 1995. P. 21–56.

Grey 1853 — *Grey G*. Ko nga moteatea: me nga hakirara o nga Maori. Wellington: Robert Stokes, 1853. 432 p.

Henry 1928 — *Henry T*. Ancient Tahiti. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Press, 1928. 651 p. (Bernice P. Bishop Museum Bulletin; Vol. 48).

Hooper 2007 — *Hooper S*. Embodying divinity: the life of A'a // Journal of the Polynesian Society. Vol. 116. No. 2. 2007. P. 131–180.

Tagupa 1979 — *Tagupa W. E. H*. The Tahitian language: A historical and vernacular controversy // Pacific Studies. 1979. No. 2. P. 144–155.

Teriierooiterai 2003 — *Teriierooiterai Cl*. Mythes, astronomie, découpage du temps et navigation traditionnelle: l'héritage océanien contenu dans les mots de la langue tahitienne: PhD thesis / Université de la Polynésie Francaise. 2013. 392 p.

Thornton 1992 — The Story of Māui by Te Rangikāheke / Ed. with transl. and comment. by A. Thornton. Christchurch (New Zealand): Dept. of Maori, Univ. of Canterbury, 1992. 118 p.

A Tahitian creation myth: translation and commentary

Volkova, Maria D.
Postgraduate Student, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaia sq., 6
Tel.: +7 (499) 973-43-54
E-mail: greasedfungi@gmail.com

Davletshin, Albert I.
PhD (Candidate of Science in History), Research Fellow, Center of Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaia sq., 6
Tel.: +7 (499) 250-67-33
E-mail: aldavletshin@mail.ru

† **Kozmin, Artem V.**
PhD (Candidate of Science in Philology), Research Fellow, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities

Korovina, Evgeniya V.
Postgraduate Student, Center of Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaia sq., 6
Tel.: +7 (499) 250-67-33
E-mail: varna0@gmail.com

Kushnir, Elizaveta L.
Postgraduate Student, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Russia, 129009, Moscow, Bolshoi Kislovsky alley, 1, building 1
Tel.: +7 (495) 690-35-85
E-mail: lizakushnir@yandex.ru

Abstract. This paper presents a Russian translation of a Tahitian creation myth recorded by John Orsmond in the late XIXth century. The translation comes with a textological commentary and a note on when and how the original myth was recorded.

Keywords: folklore, mythology, Polynesia, Tahiti

References

Barrère, D. (1967). Revisions and adulterations in Polynesian creation myths. In G. A. Highland et al. (eds.). *Polynesian culture history: Essays in honor of Kenneth P. Emory*, 103–119. Honolulu: Bishop Museum Press.

Beckwith, M. W. (transl., ed., comment.) (1986). *The Kumulipo: Hawaiian creation chant*. Honolulu: University of Hawai'i Press. 257 p.

Davies, H. J., et al. (1851). *A Tahitian and English Dictionary with Introductory Remarks on the Polynesian Language, and a Short Grammar of the Tahitian Dialect: With an Appendix Containing a List of Foreign Words Used in the Tahitian Bible, in Commerce, etc., with the Sources from Whence they Have Been Derived.* Tahiti: London Missionary Society's Press. 413 p.

Feinberg, R. (1998). *Oral traditions of Anuta: A Polynesian outlier in the Solomon Islands*. New York: Oxford Univ. Press. 294 p.

Gell, A. (1995). Closure and multiplication: An essay on Polynesian cosmology and ritual. In D. de Coppet, A. Iteanu (eds.). *Cosmos and society in Oceania*, 21–56. Oxford: Berg.

Grey, G. (1853). *Ko nga moteatea: me nga hakirara o nga Maori*. Wellington: Robert Stokes. 432 p. (In Maori).

Henry, T. (1928). *Ancient Tahiti*. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum Press. 651 p. (Bernice P. Bishop Museum Bulletin; 48).

Hooper, S. (2007). Embodying divinity: the life of A'a. *Journal of the Polynesian Society. 116* (2), 131–180.

Tagupa, W. E. H. (1979). The Tahitian language: A historical and vernacular controversy. *Pacific Studies, 2*, 144–155.

Teriierooiterai, Cl. (2003). *Mythes, astronomie, découpage du temps et navigation traditionnelle: l'héritage océanien contenu dans les mots de la langue tahitienne*. PhD thesis. Université de la Polynésie Francaise. 392 p. (In French).

Thornton, A. (ed., transl., and comment.) (1992*). The Story of Māui by Te Rangikāheke*. Christchurch (New Zealand): Dept. of Maori, University of Canterbury. 118 p.

Volkova, M. D., Davletshin, A. I., Kozmin, A. V., Korovina, E. V., Kushnir, E. L. (2015). A Tahitian creation myth: translation and commentary. *Shagi / Steps, 1*(2), 177–185